

С.В. Мкртычян (Тверь)

МЕХАНИЗМ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В
КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО
КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ

Традиционная функциональная стилистика, главная задача которой заключалась в распределении языковых средств согласно стилистическим ограничениям нормативного характера, формирующихся внутри различных объединений литературного языка, при всей ее несомненной полезности структурно-описательного свойства в русле современной антропоцентрической парадигмы и, как следствие, психологизации лингвистики, обнаружила острый дефицит к человеку в языке. Подобная ситуация обусловила определенную архаизацию стилистики как раздела науки о языке. Возрождение стилистики связано прежде всего с коммуникативно значимым варьированием языкового употребления «в парадигматическом (ролевом) и синтагматическом (ситуативном) разрезах» [4: 55–56], которое демонстрирует конечный этап языкового отбора, организующего высказывание. Обозначенный фокус исследовательской рефлексии мотивировал появление соответствующего термина коммуникативный стиль, под которым мы понимаем типичную / типовую манеру коммуникативного поведения. Попутно заметим, что термин коммуникативное поведение впервые был использован И.А. Стернинным в 1989 г. в значении «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [12: 279–282].

Обращение к моделированию коммуникативного стиля на когнитивном уровне обусловлено не только постулатами когнитивной лингвистики о «вработанности» когнитивности в систему языка, неотделимости мыслительных категорий от языковых, определяющей роли когнитивных структур в функционировании «любых компонентов языковой системы» [1: 294] (курсив мой. – С.М.), но и отсутствием у стилистики своих особых единиц. На языковом уровне формирование стиля происходит путем «суммирования "неконцептуальных" элементов значения единиц всех уровней (ср. *Не занимайтесь делами, которые не входят в вашу компетенцию. – Не лезь (не суйся, не суй нос, не встревай) не в свое дело. Тебя тут только не хватало*), что позволяет подчеркнуть тот или иной оттенок высказывания, придать высказыванию разную стилистическую окраску, усилить или ослабить эмоциональное воздействие» [10: 20]. В каждую историческую эпоху стилистические значения бывают закреплены за единицами языка как своего рода отпечаток их преимущественного употребления в определенных контекстах и ситуациях, однако при этом всегда возможны некоторые диахронические модуляции. О границах отдельных стилей на одном

синхронном срезе можно говорить только с большой степенью относительности, поскольку *они диффузны*, а между стилями происходит постоянное и разнообразное взаимодействие: часть признаков, характеризующих отдельный языковой стиль, может своеобразно повторяться в других стилях. Стиль не ограничивается уровнем поверхностных структур высказывания, а отнесение предпосылок стилистических явлений исключительно к системе языка, например, продекларированное в концепции стилистики Ю.М. Скребнева [11] кажется недостаточным и наводит на мысль о возможности применения к его изучению *деятельностного подхода*, учитывающего *потребности* говорящего.

Гипотетически когнитивная модель управленческого коммуникативного стиля организована по полювому принципу: включает ядро и периферию. Статической составляющей когнитивного ядра мы с известной долей осторожности предлагаем считать когнитивно-семантическую категорию «свой круг», представленную двумя оппозиционно-диффузными концептами «свой» / «чужой». Напомним, что наша гипотеза основывается на расширительном понимании делового общения, включающего в себя межличностное взаимодействие (взаимодействие по линии «свой» / «чужой») как ядерное с точки зрения его эффективности, что мотивирует выдвижение концептов данного рода на первый план.

Система «свой» / «чужой» как любая концептуальная система опирается на специфические, значимые, принятые в обществе на каждом историческом этапе его развития социальные, культурные, эстетические и другие ценности, на социально значимую для определенной эпохи "картину мира". Усвоение системы ценностей предопределяет модели поведения человека, что проявляется, в частности, в использовании серии пословиц и поговорок, бытующих в культурно обусловленном опыте любого народа, при выражении оценки поступков и даже помыслов. Усвоение языка происходит одновременно с усвоением системы категоризации мира, системы опыта и знаний, и, наконец, системы ценностей» [7: 33]. Управленческий коммуникативный стиль отражает выражение приверженности говорящего некоторой допускающей формальное выражение ценности. В качестве такой ценности при социальном включении личности в профессиональную деятельность мы можем назвать социально и психологически обусловленную диспозицию *руководитель – подчиненный* на шкале «свой» / «чужой»: чем они ближе и чем меньше между ними разрыв, тем вероятнее тяготение иерархических коммуникативных отношений субъектов общения к либеральному стилю (в противоположность дистантному авторитарному). Свобода, предполагаемая в либеральном управленческом коммуникативном стиле, соотносится с «понятием о свободе, с которым с самого начала связывалась

идея принадлежности к своему коллективу, к своему роду, племени, к своей народности – словом, *к своим*» [13: 148] (курсив мой. – С.М.).

Динамическая составляющая когнитивного ядра как следующая ступень от смысла к слову может быть описана в единицах интерактивных фреймов (или, в нашей терминологии, речевых тактик), рассматривающихся как единицы следующего уровня абстракции. При моделировании управленческого коммуникативного стиля мы исходим из того, что диффузные концепты-оппозиты «свой» / «чужой» и речевые тактики являются определяющими коммуникативный процесс знаниями (фрагментами общего фонда знаний).

Типы устного делового дискурса (см. об этом в [9: 35–80]), которые соответствуют управленческим коммуникативным стилям, на когнитивном уровне формируются доминантными (или базовыми) речевыми тактиками, через призму соотношения оппозиции *руководитель – подчиненный* с концептами «свой» / «чужой». Соотнесение данного рода образует своеобразный концептуальный фильтр (о доминантных речевых тактиках см. подробно в [9: 80–146]). Иными словами, социально-психологически обусловленное представление субъекта общения об оппозиции *руководитель – подчиненный* в соотношении с концептами «свой» / «чужой» формирует управленческий коммуникативный стиль индивида в целом. Варианты соотношений нелинейны и многочисленны по всей амплитуде колебаний от «своего» к «чужому», включая переходные варианты. Такая плюралистичность задает комбинированные стилистические вариации, которые не имеют аналога «чистого» (авторитарного, демократического или либерального) управленческого коммуникативного стиля в реальной коммуникации. Тем не менее на основе данного подхода представляется возможным выделить и описать идеализированные типовые модели управленческого стиля, на основе которых как на доминантных формируется управленческий коммуникативный стиль конкретного субъекта управленческого дискурса. Для исследования речевого поведения «более пригоден метод типизации в смысле не только лингвистической, но и социальной, и психологической основы понимания его коммуникативно-стилевых свойств» [4: 55] (курсив мой. – С.М.).

Понятно, что обращение к идеализированным когнитивным структурам, имеет место там, где проблемная область структурирована, а поведение регламентировано – речь идет о деловом дискурсе, в котором тенденция к экономии усилий приводит к «ритуализации» мышления и поведения. Это дает возможность сводить практически любую уникальную ситуацию к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт субъектов общения. Однако стандартизация подобного рода строго говоря *весьма условна* (особенно в ситуациях межличностного взаимодействия), поскольку известный постулат С. Карцевского об

«асимметрическом дуализме лингвистического знака», восходящий к идее Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, вряд ли возможно подвергать сомнению. Отсутствие взаимно-однозначного соответствия между планом выражения и значением вполне очевидно: каждая языковая форма стремится к тому, чтобы выразить несколько значений, а каждое значение – к тому, чтобы быть выраженным несколькими формами.

При рассмотрении ментальных репрезентаций (концептов и речевых тактик) в качестве когнитивного ядра (когнитивной основы) управленческого коммуникативного стиля следует учитывать то обстоятельство, что они сами по себе как способ фиксации знания об объективной действительности не определяют путей языкового воплощения знания, поскольку в процессе коммуникации модифицируются под влиянием разнообразных факторов, в первую очередь прагматических и интенциональных (Дж. Серль). По этой причине *когнитивная модель коммуникативного стиля должна включать в себя помимо ядерных ментальных репрезентаций промежуточные структуры, обеспечивающие конкретные способы языкового воплощения.*

Переход от ментальных репрезентаций (концептов «свой» / «чужой» и интерактивных фреймов – речевых тактик) в процессе реальной коммуникации, по нашему предположению, осуществляется с помощью механизма *интерпретативной концептуализации*, которая предопределяет семантическую интерпретацию коммуникативной ситуации и средства вербализации конкретной речевой тактики (интерактивного фрейма) в тактических ходах.

Интерпретация коммуникативной ситуации – это определенное видение, осмысление коммуникативного события (интеракции), которое отображается и вербализуется в интенционально обусловленном тактическом ходе (на основе речевой тактики). Ср. с пропозицией, которая, по С.Д. Кацнельсону, является определенным способом видения, осмысления реального или воображаемого события, который отображается и формулируется в предложении. Тактический ход – это ментальный «продукт» рефлексии по поводу интеракции; в нем заключено толкование концептуализации как мыслительного аналога ситуации, ее ментальной репрезентации, имеющейся в сознании говорящего в момент «сказывания» [5: 243–263, 452]. Структура концептуализации в определенном смысле изоморфна реальному событию. В.Г. Гак о ментальном отображении события пишет как о семантической ситуации, которая включает «объекты, их действия и качества, равно как и отношения между ними» [5 : 411].

Идея о существовании промежуточной когнитивной структуры (между ментальной репрезентацией и вербальной манифестацией) в лингвистике не нова и уже высказывалась некоторыми исследователями. Например, И.Ю. Колесов вводит понятие «концептуализация референтной ситуации», которое используется «для установления соотнесенности между пропозицией – того,

что высказывается в предложении о ситуации в мире – и тем референтом, с которым данный языковой знак семиотически связан. Планом содержания предложения является пропозиция, в которой реализовано определенное видение референтной ситуации, понимаемой как избирательно составленный образ того, о чем "сказывается". Данный образ назван "концептуализацией референтной ситуации". Сама же ситуация, на которую предложение указывает <...> имеет свою специфическую конфигурацию, участников, направление развития и другие признаки, образ которых на основании знания о мире складывается в определенную ментальную структуру – ментальную репрезентацию» [6: 7].

Е.В. Беляевская пишет о «концептуальной внутренней форме» применительно к лексике, выдвигая гипотезу о «"двухслойном" строении семантики языковых сущностей, состоящей из собственно смыслового содержания и концептуальной внутренней формы, структурирующей это смысловое содержание» [2: 313].

Трансформация ментальных репрезентаций в интерпретативную концептуализацию осуществляется с учетом различных интенциональных и прагматических факторов. Строго говоря, интерпретативная концептуализация как результат может считаться *подвижным знанием, осмыслением конкретной ситуации* (в противоположность стабильному знанию, репрезентированному концептами и интерактивными фреймами, которые складываются в концептуальную систему, являющуюся частью общей картины мира).

Между стабильным знанием и подвижным нет жестко очерченных границ. Стабильное знание является пусковым механизмом знания подвижного, а подвижное – источником обогащения знания стабильного. Вербальные манифестации как языковой продукт формируются посредством интерпретативной концептуализации благодаря апеллированию говорящего к своим фондам стабильного знания, которое комбинируется в различных версиях активации ментальных репрезентаций всякий раз определенным и неповторимым сочетанием отсылок к их компонентам. Исходя из этого, ментальные репрезентации мыслятся как целостные структуры, идеализированные схематические сущности концептуального уровня сознания как индивида, так и целого коллектива людей, объединенных общими мыслительными стереотипами, в том числе общей субкультурой представителей социальных страт.

Предлагаемая нами схема перехода от уровня ментальных репрезентаций к уровню актуализации в вербальной манифестации конкретной речевой тактики отражает вариативную спецификацию концептуальных структур через призму интенциональной и прагматической направленности смысла, вектор которого обусловлен условиями общения как *взаимодействия*. Таким образом, *в основу интерпретативной концептуализации положена идея интерактивности,*

порождения интенциональности, детерминированной условиями процесса речевого взаимодействия коммуникантов. На уровне пропозиции (тактического хода) в таком случае происходит направленная семантизация смысла, представляющего собой определенную синтаксическую структуру с выбором соответствующих лексико-грамматических ресурсов языка.

Интерпретативная концептуализация соответствует вторичной концептуализации (по О.В. Магировской) [8], которая «характеризуется высокой степенью субъективности» [8: 92], «предполагает осмысление мира с точки зрения субъекта познания как носителя системы индивидуального знания, мнения, оценки», «представляет собой уровень формирования конкретного смысла. Это индивидуальная когнитивно-языковая обработка информации о мире. Опираясь на систему языка как продукт первично-базовой когнитивной деятельности, представляющий собой набор отдельных лексических единиц и заданных грамматических моделей, интерпретатор обеспечивает возможность ее функционирования в собственных когнитивно-коммуникативных целях» [8: 93]. На этом уровне концептуализации происходит концентрация внимания на определенной интеракции.

Описывая вторичный уровень концептуализации, О.В. Магировская в качестве средств его репрезентации называет категории модусного типа, «онтологические для человеческого сознания и гносеологические по отношению к окружающему миру и языку» [8: 95]. О категориях модусного типа пишет Н.Н. Болдырев: они «обеспечивают возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на его основе отдельных смыслов» [3: 33]. К числу таких категорий он относит: отрицание, аксиологические (собственно оценочные) категории и категории оценочных слов, категории аппроксимации, эвиденциальности, экспрессивности и т.п. «В основе их формирования лежат соответствующие модусные концепты», «они создаются языком с целью соответствующей интерпретации или оценки информации в процессе ее передачи языковыми средствами. С помощью этих средств человек выражает индивидуальный опыт концептуализации и категоризации мира и пытается найти более точные названия для предметов мысли, которым нет соответствующих конвенциональных обозначений в языке, соотнося их с имеющимися прототипами в языковом сознании (*зеленый, почти, что-то вроде, зеленоватый, похожий на зеленый, ближе к зеленому*) [3: 33–35].

Модусные категории, обнаруживаемые на поверхностном уровне высказывания, не ограничиваются лексическими средствами. *Тактические ходы могут быть позиционированы как модусные категории более высокого уровня абстракции*, которые предполагают множественную интерпретацию. Например, речевая тактика угрозы, реализованная в тактическом ходе *Сейчас не решим – завтра нам не расхлебать* имеет не

совпадающие оценки факта наличия угрозы представителями различных социальных страт: военнослужащие – 3%, представители бюджетной сферы – 57%, представители коммерческой сферы – 96% (см. об эксперименте в [9: 113–114]).

Таким образом, размышления о когнитивной основе коммуникативного стиля, когнитивных единицах, «запускающих» механизмы языкового воплощения ментальных репрезентаций, не только позволяют приблизиться к пониманию процессов реальной коммуникации, но и, как представляется, непосредственным образом связаны с преодолением маргинальности стилистики на современном этапе развития лингвистической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. Изд-е 3. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 360 с.
2. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. научн. Трудов. – М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»). 2007. – С. 307–314.
3. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив моногр. / Гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М. Ин-т языкознания РАН; – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 25–77.
4. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. Изд-е 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.
5. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 460 с.
6. Колесов И.Ю. О связи между ментальной репрезентацией, концептуализацией референтной ситуации и пропозицией как формами представления знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 5–14.
7. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 28–34.
8. Магировская О.В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив моногр. / Гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М. Ин-т языкознания РАН; – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 78–96.
9. Мкртычян С.В. Устный деловой дискурс: Монография. – Тверь: ТвГУ, 2009. – 172 с.
10. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. – М.: МГУ, 2004. – С. 11–20.

11. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький: Изд-во Горьк. гос.п.н. пед. ин-та, 1975. – 175 с.
12. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. – S 279-282.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1993. Т.2. – 560 с.

Ощепкова Е.С., Ощепков И.В. (Москва)

ВЫЯВЛЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ УСТОЙЧИВОСТИ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ В ДОЛГОВРЕМЕННОЙ И КРАТКОВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Анализируя ассоциативные словари разных лет [6; 5; 7], нельзя не заметить, что на некоторые стимулы частотные реакции практически не изменяются, а на другие – меняются довольно существенно. Мы заинтересовались причинами этих различий. Нам представляется, что существуют определенные факторы, которые будут определять устойчивость ассоциативной пары во времени.

Исследование факторов устойчивости и изменчивости ассоциативных реакций актуально для многих областей. Оно позволяет нам узнать больше о культурно-специфических особенностях функционирования языка, языкового сознания, поскольку, как мы считаем, именно в устойчивых связях могут выражаться инварианты культуры. Кроме того, анализируя факторы устойчивости/изменчивости, мы можем получить представление и о тех психологических механизмах, которые участвуют в формировании ассоциативных связей (например, особенности функционирования т.н. имплицитной памяти).

Также данные, получаемые в таких исследованиях, могут позволить узнать больше о механизмах формирования суждений и оценок. Краткий обзор возможных моделей и подходов можно найти в статье [1].

Можно условно выделить два возможных направления исследования факторов подобного рода: первое касается выявления долговременных факторов; второе будет связано с выявлением кратковременных факторов.

Говоря о первом направлении, мы имеем в виду долговременные исследования, длительность которых может исчисляться годами и даже десятилетиями. Ярким примером таких исследований является работа сектора психолингвистики ИЯ РАН по составлению и изданию ассоциативных словарей русского языка [5; 6; 7]. Интересны и разработки западных психолингвистов, касающиеся построения ассоциативных норм английского языка, а также вероятностных моделей ассоциативных реакций (см., напр., [2; 3]).